

Е.А. Белов

Московские смуты в конце XVII в.

<...>Положение Софьи и до, и после казни Хованских, особенно после, было ненормально. Она правительница, но до которых пор? Положим, несовершеннолетие Иоанна было нескончаемо, он и до старости остался бы несовершеннолетним по уму; но Петр? Можно ли было ей надеяться при его совершеннолетию удержать бразды правления в своих руках? Неужели боярство не предвидело возможности в близком будущем столкновения между сестрой и братом? Предвидя эту возможность, боярство и поднимало голову в надежде упрочить свое поколебавшееся значение. Сама Софья играла двойную роль: как правительница, она продолжала реформы Феодора, оскорблявшие бояр, круто гнула народ, обуздывала стрельцов; а как соперница Натальи Кирилловны, она в тех же стрельцах заискивала и боялась пустить в ход крутые меры против боярства. Естественно, что обе эти роли сыграны были неудачно; в той и другой роли нерешительность, колебание видны на каждом шагу. Положение царевны, во время борьбы с мачехой, было гораздо труднее, чем во время борьбы с Хованским, когда она твердо, без колебаний, шла к цели. Помощники ея Голицын и Шакловитый были в таком же положении, а приверженцы в безысходно ужасном: они думали служить царю Иоанну и оказались возмутителями, когда верх взял царь Петр. Вообще должно сказать, что у Аристова, кроме отсутствия объективности, как замечено выше, нет и критики фактов, то-есть, верной их оценки и постановки. Между тем, только посредством этой критики можно по известным доселе источникам восстановить связь и значение московской смуты конца XVII века. Теперь с установленной нами точки зрения обрисуем в нескольких словах ход переворота 1689 года и приступим к разбору розыскных дел о Федоре Шакловитом и его сообщниках.

Положение Софьи, говорит Соловьев, — было похоже на положение тех людей в легендах, которые заключили договор со злым духом — пользоваться до известного времени всеми благами жизни, но по прошествии срока сделаться добычей ада. Софья прямо, открыто могла удержать свое положение только одним средством, — венчаться самой на царство; на это средство и указал Шакловитый в конце 1687 г., то есть, тогда, когда с каждым часом близилась роковая минута столкновения с Петром, которому тогда уже исполнилось 15 лет. Софья стала готовить это дело; она начала писаться в государственных бумагах самодержицею. Наталья Кирилловна жаловалась теткам и говорила: «у нас люди есть и такого дела не покинут», то-есть, не дозволят так писаться. Шакловитый хотел провести дело через стрельцов; он предложил начальным стрелецким людям написать челобитную. Стрельцы выразили сомнение — послушает ли их царь Петр? Шакловитый советовал задержать бояр князя Бориса Голицына и Льва Кирилловича Нарышкина. А патриарха? Его переменить. А бояре — зяблое дерево. Один князь В. В. Голицын постоит, да и то до поры до времени. Толки эти, конечно, волновали Москву и не могли миновать слуха Натальи Кирилловны. Пока сторонники Софьи толковали, сторона Натальи Кирилловны начала действовать, и первый толчок дан был самим Петром, но конечно, по указанию близких к нему людей, особенно матери. 8-го июля, 1688 года, в день празднования образу Казанской Божией Матери, совершался

крестный ход из Кремля в Казанский собор, в память освобождения Москвы от поляков. Петр сказал Софье, чтоб она за крестным ходом не шла; но царевна не послушалась. Тогда Петр уехал в Коломенское. Погодин совершенно справедливо выдвигает этот факт на первый план: «Жребий брошен», говорит этот историк, — «кому быть и не быть». И действительно, это был **Рубикон своего рода**; вражда, затаившаяся было в стенах дворцов, снова выступала на улицу. Софья, конечно, ждала этой минуты, чем Погодин и объясняет скороспелое заключение мира с Крымским ханом. Нельзя и думать, чтобы Софья, несмотря на ее нежные письма, звала Голицына приехать из любовного нетерпения; в это время у ней был утешитель и в Москве, в лице Шакловитого; без сомнения, ей нужен был Голицын, как испытанный друг и опытный советник. Тогда, без сомнения, тревожные слухи, ходившие по Москве, усилились и стали принимать дикие, фантастические формы. Обестороны боялись друг друга. 26-го июля, когда Петра ждали в Москву, пятидесяти стрельцам велено было слушать набата на случай, если над государынею царевною учинится хитрость. Софья то и дело жалуется стрельцам, что от Натальи Кирилловны, от Льва Кирилловича и Бориса Голицына житья нет, вследствие чего начинаются толки, как бы их принять, то-есть, на копьё. Но после того, как самых буйных стрельцов разослали, когда остальные были усмирены Шакловитым, поднять эту успокоившуюся массу из-за интереса, ея не касавшегося, было невозможно, а между тем из Преображенского, где жил Петр, шли слухи один другого грознее. Так, прошел слух, что в Москву придут потешные конюхи, дабы побить царя Иоанна и всех его сестер. Может быть, этот слух невыдуман, а только был преувеличен стороною Софьи Алексеевны, дабы возбудить к ней и ее семье больше сочувствия и дать предлог Шакловитому собрать 400 вооруженных стрельцов в Кремль, 300 на Лубянке и послать своих деньщиков разведывать, что замышляют в Преображенском. Очень вероятно, что в Преображенском и поговаривали внезапным нападением покончить с владычеством Софьи, из чего и развели вышесказанные страшные замыслы Натальи Кирилловны и ее друзей. Ночью, с 7-го на 8-е августа, в Кремле Гладкий и другие стрельцы избивали Плещеева, стольника царя Петра, присланного, конечно, тоже для разведывания. В ту же ночь в Преображенское поскакали доносчики с изветом от восьми стрельцов, что их товарищи готовы идти в Преображенское и убить Петра. Донос этот, как увидим при разборе Дела Шакловитого, сделан был без всякого основания. Петр мог этому доносу поверить; но его сторонники, без сомнения, не только знали, но и сами выдумали этот донос. Петр, как известно, ночью, раздетый, бежал в Троицкий монастырь. Положение Софьи было критическое; все ее попытки к примирению с братом не достигли желанной цели; стрельцы не двигались за нею, патриарх был на стороне Петра. 1-е сентября, день по тогдашнему новаго 1689 года, был тяжел для Софьи; из Преображенского пришло требование выдать Шакловитого и Медведева, как главных заговорщиков против Петра. 4-го сентября служилые иноземцы, по призыву Петра, двинулись к Троице. К довершению удара, 6-го сентября толпы стрельцов явились к Софье с челобитьем, чтоб она выдала Шакловитого и Медведева. Делать было нечего: пришлось выдать и того, и другого. Медведев несколько дней скрывался, но был пойман. Розыск начался*.

* До настоящего издания розыска о Шакловитом и пр., историки пользовались им в рукописях и, как видно, в отрывках. Еще Погодин заметил, что Устрялов ссылается на такие показания, которых нет у Аристова. При